

Содержательно-смысловой контекст феномена бала в аспекте исторической ретроспекции

Ефремова И.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск»

Статья посвящена выявлению особенностей содержательно-смыслового контекста феномена бала в аспекте исторической ретроспекции – от танцев в рамках рыцарских турниров до бальных мероприятий Новейшего времени. На основании рассмотрения «сценарного плана» рыцарских состязаний и освещения вопроса придворного церемониала Нового времени автором выделяются три семантических контекста бальной культуры, в рамках которых происходило бальное действо, – церемониальный, развлекательный и церемониально-развлекательный. Первый – церемониальный – был основой официальных мероприятий государственного масштаба, проводимых по поводу наиболее значимых политических и исторических событий. Второй – развлекательный – существовал в рамках официальных и неофициальных мероприятий, устраиваемых как по событийному поводу, так и без такового. Специфику третьего, церемониально-развлекательного, контекста составляла его гибридная природа, объединяющая в пределах одного пространства и времени черты церемониальных и развлекательных балов. Амплитуда событийности такого рода мероприятий колебалась от поводов государственного уровня до событий, происходивших в границах отдельного города или частной жизни важного и влиятельного лица. Подобные балы предполагали обязательность присутствия на них официальной статусной персоны в лице монарха (или иного представителя власти), выступавшей в качестве устроителя либо гостя бального действа. В процессе развития бальной практики сложились и основные форматы ее проведения – традиционный и маскарадный, соотносимые с тем или иным содержательно-смысловым контекстом. Так, церемониальные и церемониально-развлекательные балы предполагали исключительно традиционный формат, а развлекательные допускали, помимо традиционного, и маскарадный формат.

Ключевые слова: бал, феномен бала, содержательно-смысловой контекст, рыцарский турнир, танец, бальная практика, бальная культура, историческая ретроспекция, придворная культура, рыцарская культура, придворные балы, придворный церемониал, придворные церемонии, церемониальные балы, регулярные балы, развлекательные балы, церемониально-развлекательные балы, традиционные балы, балы-маскарады.

(Искусство и культура. – 2022. – № 3(47). – С. 19–25)

About the Features of the Content and Semantic Context of the Chronotope of the Ball in the Aspect Of Historical Retrospection

Efremova I.V.

Education Establishment “Belarusian State University of Culture and Arts”, Minsk

The article deals with the identification of the features of the content and semantic context of the ball phenomenon in the aspect of historical retrospection – from dancing in the framework of jousting tournaments to ballroom events of Modern times. Based on the consideration of the “scenario plan” of knightly competitions and the coverage of the issue of the court ceremonial of the New time, the author identifies three semantic contexts of ballroom culture, within which the ballroom action took place – ceremonial, entertaining and ceremonial-entertaining. The first – ceremonial – was the basis of official state-scale events held on the occasion of the most significant political and historical events. The second – entertainment – existed within the framework of official and unofficial events, arranged both on an event occasion and without it. The specifics of the third, ceremonial and entertainment context was its hybrid nature, combining the features of ceremonial and entertainment balls within the same space and time. The amplitude of the eventfulness of such events ranged from state-level occasions to events that took place within the boundaries of a separate city or the private life of an important and influential person. Such balls assumed the obligatory presence of an official status person - the monarch (or other representative of the authorities), who acted as the organizer or guest of the ballroom action. In the process of developing ballroom practice, the main formats of its holding

Адрес для корреспонденции: e-mail: efremova_lug@mail.ru – И.В. Ефремова

also developed – traditional and masquerade, correlated with one or another meaningful and semantic context. Thus, ceremonial and ceremonial-entertainment balls assumed an exclusively traditional format, while the entertainment ones allowed, in addition to the traditional, a masquerade format.

Key words: *ball, the phenomenon of the ball, content and semantic context, jousting tournament, dance, ballroom practice, ballroom culture, historical retrospection, court culture, knightly culture, court balls, court ceremonial, court ceremonies, ceremonial balls, regular balls, entertainment balls, ceremonial and entertainment balls, traditional balls, masquerade balls.*

(Art and Cultur. – 2022. – № 3(47). – P. 19–25)

Бал – удивительный феномен, уникальность которого заключается в константной востребованности социумом на протяжении более 700 лет. Со времен Позднего Средневековья и по настоящее время балы вызывали и продолжают вызывать к себе неизменный интерес со стороны представителей разных слоев общества. Возникнув и долгое время развиваясь в придворной среде, балы были неотъемлемой частью жизни аристократа. Со временем, в процессе демократизации бальной культуры, к ней приобщилась разноуровневая буржуазия и даже пролетариат. Однако, несмотря на неизменную популярность данного явления, проблематика, касающаяся исследования особенностей содержательно-смыслового контекста бальных мероприятий, сегодня является недостаточно разработанной. Безусловно, отдельные работы, прямо либо косвенно связанные с выявлением множественных функций балов, непосредственно перекликаются с обозначенным нами семантическим аспектом. К таковым относятся, прежде всего, исследования российских ученых – Ю. Лотмана, Е. Дукова, А. Колесниковой, Н. Огарковой, А. Лебедевой-Емилиной, В. Боковой, О. Муравьевой, Е. Никитиной, Е. Сариевой и др. (в европейской науке балу как комплексному явлению уделяется мало внимания). При этом совершенно очевидно, что содержательно-смысловой аспект бальной культуры не ограничивается исследованием только ее функций. Последние во многом определяются спецификой семантики того или иного бального мероприятия.

Цель статьи – выявление особенностей содержательно-смыслового контекста феномена бала в аспекте исторической ретроспекции – от танцев в рамках рыцарских турниров до бальных мероприятий Новейшего времени.

Танцы в рамках рыцарских турниров как «Пролог» бальной культуры (конец XII – XIV в.). Свою историю бальная культура ведет с эпохи рубежа Зрелого и Позднего Средневековья – времени, когда окрепло рыцарство, сформировался «Кодекс рыцарской чести» и, в целом, оформились правила проведения рыцарских турниров. Именно в рамках последних, трансформировавшихся к тому

времени из «военных репетиций» в яркие развлекательные «театрализованные шоу» (с определенными правилами проведения), устраивавшиеся знатными феодалами по особым поводам государственного и частного характера (в том числе состязания в честь Прекрасной Дамы), зарождается аристократическая танцевальная культура. В константном «сценарном плане», по которому проходили рыцарские турниры, танцам (с XIV в. в качестве синонима этого слова в дворянской среде все чаще употребляется лексема «бал») отводилась важная роль финальной «точки» – не менее зрелищной, чем иные структурные элементы празднества (в их числе: 1 – собственно состязание рыцарей на ристалище, часто театрализованное; 2 – первый этап процедуры награждения победителя, совершавшегося на ристалище сразу после турнира с вручением малого приза – «danka»; 3 – праздничная трапеза; 4 – второй этап процедуры награждения победителя, происходивший сразу после торжественного пира и связанный с вручением главной награды).

При этом необходимо отметить, что проведение рыцарского турнира было сопряжено с предшествовавшей ему подготовительной частью, которая также была строго регламентирована. Она длилась на протяжении трех дней после: а) вызова сеньором – организатором турнира достойного соперника посредством гербового короля; б) выбора судей и участников состязания (с обеих сторон). В первый день происходили въезд торжественной процессии в город или замок, обустройство участников соревнования, вечером – праздничная трапеза и танцы. Второй был связан с подготовкой и проведением церемонии обхода рыцарских шлемов судьями (в монастыре или на внутреннем дворе замка), вечером – танцы. Третий – с избранием судьями двух наиболее красивых дам турнира, которые, в свою очередь, выбирали почетного рыцаря, вечером – танцы. Четвертый – день проведения турнира, после которого организовывались праздничный ужин, церемония награждения победителя и танцы [1, с. 55–66]. Следовательно, каждый из вышеперечисленных четырех дней завершался танцевальной программой, которая, начиная с XIV в., подчиняется

особым правилам. Как утверждает в своем исследовании С. Худеков, «для балов существовал особый кодекс, который постоянно совершенствовался, развивался и представлял собой регламент благопристойности и благородных манер», согласно которому, в частности, кавалеры и дамы были обязаны придерживаться особого дресс-кода, предписывающего обязательность плаща и шпагу у мужчин и очень длинных шлейфов на платьях женщин, которые нельзя было «ни придерживать, ни поднимать» [2, с. 325]. Следствием появления бального дресс-кода стало усложнение технической стороны танцевальных композиций, что привело к необходимости представителей знати в специальном обучении. Данный факт обусловил появление профессиональных учителей – танцмейстеров (ит. «maestro di ballo», фр. «maître à danser», «maître de danse»). Институт танцмейстеров начинает формироваться в Италии в XV ст. – при дворах итальянской знати появляется должность придворного танцмейстера. В связи с приглашением итальянских мастеров танца для работы при французском дворе аналогичная должность в XVI в. появляется во Франции. Благодаря итальянским и французским танцмейстерам на протяжении последующих столетий профессиональное танцевальное искусство из Италии и Франции распространилось по всей Европе. Это, безусловно, привело к качественно новому, значительно более высокому уровню как исполнения танцевальных композиций на балах, так и самих балов, на которых учителя танцев нередко выполняли функции распорядителей.

Возвращаясь к танцам, исполнявшимся в рамках подготовки и проведения рыцарских турниров, следует отметить, что при всей церемониальности, обусловленной следованию участниками этикетным нормам кодекса чести и бального этикета, танцевальная программа, в целом, носила развлекательный характер. В последний день – день самого турнира – она отличалась особой торжественностью, связанной с обязательной формализацией исполнения открывавшего ее парного бранля. Он исполнялся в колонне, первую пару которой составляли рыцарь-победитель турнира и его дама. Именно им предоставлялась честь возглавлять танец-шестьице, «диктуя» его фигуры и «создавая» линии танцевального движения. Этот факт позволяет говорить о том, что в недрах танцевального развлечения начинается складываться церемониал, связанный с предоставлением права открытия бала наиболее почетному из ее участников. Тем самым формируется определенная иерархичность

между гостями праздника, значимость наиболее авторитетного из которых подчеркивается его символически премьерным, центральным, месторасположением. Так в недрах развлекательного контекста зарождается церемониально-развлекательный. Со временем именно внутри него сформируется исключительно церемониальное направление бальной культуры как важная содержательно-смысловая часть официального придворного церемониала, связанного с важными событиями государственной жизни, в которой главная роль отводилась монарху.

Придворные балы как образцовые модели бальной практики Нового времени. В аспекте проведения различных придворных церемоний первоначально приоритет принадлежал французскому королевскому двору, при котором в середине XIII в. появились первые государственные акты (ордонансы). Благодаря им регулировалась организация повседневной жизни двора и всех его служб [3, с. 43]. Начиная с середины XIV в. и по вторую половину XV в. (время Столетней войны 1337–1453 гг.), в плане церемониальной политики постепенно на авансцену выходит бургундское герцогство, находящееся в непосредственном родстве с королевским двором Франции и выступающее по отношению к нему своеобразной генеалогической ветвью. Именно при дворе герцогов Бургундских во времена правления Карла Смелого (1467–1477) ранее других европейских дворов был разработан достаточно сложный придворный церемониал и создана специальная должность церемониймейстера, на которую был назначен Оливье Ламарш – французский поэт и хронист, придворный историограф бургундского герцога. Во многом благодаря стараниям О. Ламарша церемониал бургундского двора был столь зрелищным и роскошным, что производил огромное впечатление на посещавших его иностранных гостей (например, французского короля Людовика XI Валуа и английского короля Эдуарда IV Йорка). Это касалось и вписанных в придворное церемониальное поле развлечений, которые, согласно убеждениям Карла Смелого, «также должны быть облечены в пышные, великолепные формы» [4, с. 68]. Известно, что по просьбе Эдуарда IV в качестве образца церемониала и придворного этикета О. Ламарш написал трактат «Об устройстве двора герцогов Бургундских» (фр. «Estat de la maison du duc Charles de Bourgogne», 1474). Так придворный бургундский церемониал был трансплантирован в английский,

французский и иные королевские дворы Европы.

Другим путем его распространения в европейских государствах были династические браки. Так, в Испанию бургундский церемониал и этикет проникли посредством заключения подобного договорного союза между Марией I Бургундской (дочерью Карла Смелого) и Максимилианом Габсбургом (королем Германии, будущим императором Священной Римской империи), а, спустя годы, между их сыном, воспитанником Оливье Ламарша Филиппом IV Бургундским (будущим королем Кастилии Филиппом I Красивым), и Хуаной Безумной (королевой Кастилии). В свою очередь от Карла V Габсбурга (1516–1556 годы правления) – сына Филиппа I Красивого и Хуаны Безумной, короля Испании и Германии, получившего также титул императора Священной Римской империи и уделявшего огромное внимание этикету и церемониалу (в 1526 г. был составлен этикетный кодекс), – престол унаследовал Филипп II, которого принято считать основоположником церемониала при испанском дворе. «С исчезновением бургундского двора церемониальным законодателем стала Испания, и в целом, Габсбурги, наследники Бургундской династии, – заявляет В.В. Шишкин. – Именно испанское культурно-политическое влияние, включая придворные церемониальные нормы, оказало кардинальное воздействие на повседневный церемониал французского двора» [3, с. 43–44]. В целом бургундский церемониал явился тем образцом, ориентируясь на который создавались церемониалы при всех европейских дворах. Представляя собой установленный торжественный ритуал, продуманный в деталях этикетный спектакль с Правителем в главной роли, королевский церемониал выполнял важную репрезентативную функцию, подчеркивающую исключительность статуса монаршей персоны и священность ее власти.

Сама же лексема «церемониал» во Франции Позднего Средневековья – начала Раннего Нового времени (XV–XVI вв.) использовалась исключительно в контексте больших мероприятий государственного уровня – помазаний на царство, коронаций, въездов королевских особ в города, присутствий государя на заседаниях Парижского парламента и похорон правителей [5, с. 49]. Список этих репрезентативных официальных церемоний дополнялся «публичными торжествами» с участием «Их Величеств» – королевскими тезоименитствами, бракосочетаниями, крестинами, приемами иностранных послов и др. Согласно исследованиям американского

историка Ральфа Гизи, кроме обозначенного государственного церемониала *при дворах монархов существовал отдельный церемониал, связанный с проведением различных увеселений и спектаклей*, а также повседневный церемониал, представленный обязательными ежедневными ритуалами большого двора государя и малых королевских дворов его супруги и прямых (кровных) родственников [5, с. 68–72]. Во времена царствования Генриха III (1574–1589) с помощью изданных им регламентов 1570–1580-х гг. (всего три – 1578, 1582 и 1585 гг.) при французском дворе было окончательно сформировано церемониальное поле, закрепленное на законодательном уровне в 1585 г. и сделавшее церемониал основным инструментом власти. Именно церемониал и этикет двора Генриха III (в своей основе базировавшиеся, с одной стороны, на Византийском церемониальном регламенте – трактате Константина VII «О церемониях», с другой – на церемониале испанского двора Карла V Габсбурга), а также введенная при нем 1 января 1585 г. должность обер-церемониймейстера (по-французски *grand Maître des Cérémonies*) – «главного режиссера» продуманного монархом в деталях постановочного церемониального действия и «главного консультанта» придворных по вопросам этикета – подготовили расцвет церемоний при королевском дворе, их «золотой век» во времена правления Людовика XIV [6, с. 181].

Все виды церемониала были тесно связаны между собой, подвергая жесткой регламентации жизнь монарха и его придворных, и со временем (ко второй половине XVI в.) обрели форму, по выражению В.В. Шишкина, «единое церемониальное поле» [3, с. 45]. В рамках этого «церемониального поля» традиционно существовали: а) регулярно проводимые церемониально-развлекательные балы, открываемые Его Величеством (в случае церемониала Большого Двора) или Ее Величеством (в случае церемониала Малого Двора) и в своем большинстве включавшие в себя, помимо танцевальной программы, иные развлечения (например, игры в карты, бильярд, «живые картины», концертные номера и т.п.); б) церемониальные балы, вписанные в официальный государственный церемониал.

Так, *регулярные балы* при дворе Генриха III проводились по четвергам и воскресеньям и длились до четырех часов утра [7, с. 488–489]. При дворе Генриха IV и Марии Медичи они организовывались в те же дни – по четвергам и воскресеньям, обычно вечером, после ужина [8, с. 19–20]. Подобные балы при версальском дворе Людовика XIV устраивались

по вторникам, четвергам и субботам. При этом король, как правило, лично открыв бал, сразу удалялся, «чтобы принять нужного человека, поработать с министром, перечитать депешу, обдумать какой-нибудь план» [9, с. 446]. Призванные «играть монарха», придворные балльные мероприятия выделяли монаршую персону, делая ее объектом всеобщего внимания и поклонения. Присутствие (даже кратковременное) на регулярных балах короля обязывало участников к особому, предельно этикетному поведению. Именно по этой причине они (балы) не могут быть отнесены к разряду чисто развлекательных. По словам Фанни Козандей – доцента Центра исторических исследований в Высшей школе социальных наук в Париже – «все церемонии концентрировались вокруг короля», который теперь был физически «уже не так доступен, как раньше»; «*присутствие короля где бы то ни было требовало соблюдения церемониала* <...> Установление абсолютизма проходило через увеличение публичности монарха, выражавшееся как через внешние проявления придворного ритуала, так и через выведение церемониала, скрытого прежде от посторонних глаз, на широкую публику» [10, с. 244–245].

Показательным примером *бала-церемонии* является Большой бал в честь чрезвычайного испанского посла герцога Пастраны, организованный королевой Маргаритой Валуа (несмотря на развод с Генрихом IV, она сохранила королевский титул) 26 августа 1612 года. Исходя из традиции, бал представлял собой поставленное действие, разыгрываемое согласно соответствующему церемониалу, четко разграничивающему присутствующих на непосредственных участников-актеров, исполняющих этот «спектакль», и на созерцающих его зрителей. К первым принадлежали монаршие лица государства и их ближайшие родственники, а также иностранные послы. Ко вторым – избранные придворные. Структура бала состояла из двух частей: 1 – танцев (бранля, открывавшего и завершавшего танцевальную программу, куранты, канарио и гальярды), в которых принимали участие только находившиеся на сцене высокостатусные «актеры»; 2 – парадного ужина [11].

Созданное монархами, их обер-церемониймейстерами и церемониймейстерами на протяжении многих столетий церемониальное поле с входящими в него более или менее идентичными церемониями (в том числе балльной) оставалось актуальным вплоть до начала XX в. При этом необходимо отметить, что придворная балльная культура явилась тем образцом, на который равнялись представители

высокой аристократии и крупной буржуазии, устраивавшие балы в своих частных владениях. В большинстве своем партикулярные балльные мероприятия носили чисто развлекательный характер и могли устраиваться как по какому-то поводу, так и без такового. В отдельных случаях, связанных с присутствием на балу монарха или иного значимого представителя власти, их увеселительный контекст дополнялся церемониальным, превращая развлекательные мероприятия в церемониально-развлекательные. Со временем развлекательная модель подвергнется процессу демократизации, став основным форматом организации публичных балов «по образу и подобию аристократических», их своеобразной альтернативой. Первыми из таких балов стали балы в парижском Гранд-опера, организованные согласно королевскому указу от 31 декабря 1715 г. (этот указ был издан Филиппом Орлеанским, братом Людовика XIV, регентом Людовика XV Возлюбленного). Они проводились три раза в неделю – по четвергам, субботам и воскресеньям.

Так, в 1715 г. в истории балльной культуры произошло эпохальное событие – своеобразная «революция», разделившая ее онтологию на «до» и «после». То, что в течение нескольких сотен лет было доступно лишь избранным, в одночасье превратилось в дозволенное властью мероприятие для любых общественных сословий (безусловно, в этом есть доля условности, ибо плата за билет была весьма внушительной, что делало общественные балы, в частности, в Гранд-опера, недоступными для большинства представителей третьего сословия). При этом придворные балы, утратив свою исключительность, продолжали существовать, представляя собой антитезу массовой балльной практике.

Уже в первой половине следующего, XIX ст. ярко проявилась тенденция, наметившаяся еще в предыдущую эпоху. Она была связана, с одной стороны, с количественным сокращением балльных мероприятий при королевском дворе. С другой – с повсеместным распространением «моды на балы» в различных слоях общества, что выразилось в: а) росте количества частных балльных мероприятий среди представителей мелкой буржуазии (в том числе купечества и мещанства), небогатого дворянства, творческой элиты и состоятельной части третьего сословия; б) организации городскими властями и частными лицами многочисленных публичных балов. Следствием тенденции демократизации балльной культуры стали ее значительное упрощение и утрата высокого статуса (исключение составляли немногочисленные

придворные балы, а также партикулярные балы финансово обеспеченной аристократии и крупной буржуазии). Увеличение числа публичных бальных мероприятий за счет их тиражирования и коммерциализации переориентировало вектор развития бальной культуры с элитарного на массовый.

Бальная практика Новейшего времени. Кризис капиталистической системы в первой половине XX в. обусловил: а) мировые катаклизмы (войны и экономический коллапс 1930-х гг., повергший США и ведущие европейские государства в Великую депрессию); б) появление теории социальной стратификации, обосновавшей новую трехуровневую социальную модель (1 – высший слой – малочисленная элита, владеющая большим материальным состоянием; 2 – средний слой, представители которого обеспечивали себе достойный уровень жизни; 3 – низший слой – люмпены, составлявшие социальное дно); в) зарождение тенденции демократизации общественно-политической формы правления в Европе – от монархической к республиканской; г) значительное расширение досуговой сферы в виде появления и активного внедрения в жизнь социума ее новых конкурентноспособных, альтернативных бальной практике форм – кинематографа, цирка, театра, спорта, коллекционирования и др. Обозначенные следствия капиталистического кризиса, с одной стороны, переосмысление эстетических ценностей (рождение Новой эстетики) и, с другой стороны, дегуманизация искусства, внесли определенные коррективы в онтологию бала, связанные с:

1) прекращением функционирования балов церемониального направления, изъятых из протокольной сферы дипломатии;

2) утратой бальной культурой развлекательного и церемониально-развлекательного направления лидирующих позиций в досуговой сфере, но при этом не снизившей интереса социума к подобного рода мероприятиям. На протяжении всего XX в. по сегодняшний день такие балы проводятся постоянно. Одни из них являются эксклюзивными событиями грандиозного масштаба и продолжают служить репрезентативным целям социальной элиты Европы – аристократической, политической, творческой и деловой (церемониально-развлекательные и частично развлекательные балы). Другие – целям прикладным, позволяя обычному человеку, представителю среднего слоя, временно отгородиться от повседневной реальности (подавляющее большинство развлекательных бальных мероприятий).

Балы церемониально-развлекательного направления в Новейшее время представлены:

1) благотворительными балами дебютанток, продолжающими британскую традицию конца XVIII в. (например, балы дебютанток в Лондоне, продолжавшиеся с 1780 по 1958 г.; в Париже, с 1957 г. по настоящее время; в Вене – бал в Венской опере и офицерский бал; в Нью-Йорке – с 1954 по 2014 г. и других городах Америки; в разных городах Австралии и др.);

2) иными высокостатусными балами (например, Венский бал в Хофбурге; Дрезденский оперный бал; «Бал роз» в Монако; ежегодные балы моды в Варшаве, устраивавшиеся с 1929 по 1939 г. и собиравшие представителей творческой элиты – артисток, танцовщиц, моделей, и др.);

3) отдельными балами профессиональных сообществ, имеющими церемониальные черты (в частности, содержащими торжественную церемонию открытия и присутствие почетных гостей).

Данные бальные мероприятия проводятся в традиционном, классическом, формате с обязательной церемонией открытия и дресс-кодом White Tie (реже – Black Tie).

Развлекательные балы XX – первых десятилетий XXI века репрезентованы:

1. Публичными балами:

а) повседневными, функционировавшими в досуговом пространстве на протяжении всей первой половины прошлого столетия и фактически «сливающимися» с иными формами досуговых мероприятий, доступными широким массам социума;

б) эксклюзивными бальными мероприятиями нынешнего века, представленными:

– крупными историческими реконструкциями балов минувших эпох (например, Большой бал-маскарад в Версале в духе времен Марии-Антуанетты и Людовика XVI; Исторический костюмированный бал в Париже, тематика которого меняется ежегодно, и др.);

– тематическими постановками (например, маскарадный бал «Лабиринт Джарета» в Лос-Анджелесе; Волшебный бал-маскарад в Рио-де-Жанейро во дворце Капакабана и др.);

– нетематическими балами (например, бал-маскарад «Рудольфина-Редут» в зимней дворцовой резиденции Хофбург и др.).

2. Партикулярными бальными мероприятиями:

а) камерными (домашние балы среднего сословия), востребованными в первой половине XX в. (до начала Второй мировой войны);

б) грандиозными – эксклюзивными балами, организованными представителями

финансового олигархата, в том числе творческого (получившими распространение во второй половине прошлого столетия). В их числе:

– бал-маскарад испано-мексиканского мультимиллионера французского происхождения Дона Карлоса де Бейстеги – известного декоратора интерьеров и коллекционера (Венеция, 5 сентября 1951 г.);

– «Черно-белый бал» Трумена Капоте – американского писателя, драматурга и актера (Нью-Йорк, 28 ноября 1966 г.);

– «Восточный бал» барона Оскара Дитера Алекса фон Розенберг-Реде – выдающегося французского банкира, аристократа, эстета и коллекционера (Париж, 5 декабря 1969 г.);

– «Бал Пруста» в честь 100-летия со дня рождения французского писателя Марселя Пруста, организованного Мари-Элен Ротшильд – французской светской львицей, принадлежащей к известному банковскому роду (загородный замок Ферьер близ Парижа, 10 июля 1971 г.);

– «Бал сюрреалистов» Мари-Элен Ротшильд, посвященный художникам-сюрреалистам Сальвадору Дали и Рене Магритту (загородный замок Ферьер близ Парижа, 12 декабря 1972 г.).

3. Частью балов профессиональных сообществ, не содержащих в своем содержательно-смысловом контексте церемониальных черт (балы прачек, кондитеров, ювелиров, трубачей, цветочников, охотников, фармацевтов, журналистов, архитекторов, студентов, художников, врачей и др.). Перечисленные бальные мероприятия в подавляющем большинстве являются маскарадными (в том числе тематическими).

Развлекательные бальные мероприятия, как правило, проводятся в формате балов-маскарадов.

Заключение. В ходе эволюции бальной культуры сформировались ее основные содержательно-смысловые контексты, в рамках которых происходило бальное действие. Первый – церемониальный – был основой официальных мероприятий государственного масштаба, проводимых по поводу наиболее значимых политических и исторических событий. Второй – развлекательный – существовал в рамках официальных и неофициальных мероприятий, устраиваемых как по событийному поводу, так и без такового. Специфику третьего, церемониально-развлекательного

контекста составляла его гибридная природа, объединяющая в пределах одного пространства и времени черты церемониальных и развлекательных балов. Амплитуда событийности такого рода мероприятий колебалась от поводов государственного уровня до событий, происходивших в границах отдельного города или частной жизни важного и влиятельного лица. Подобные балы предполагали обязательность присутствия на них официальной статусной персоны в лице монарха (или иного представителя власти), выступавшей в качестве устроителя либо гостя бального действия.

В процессе развития бальной практики сложились и основные форматы ее проведения – традиционный и маскарадный, соотносимые с тем или иным содержательно-смысловым контекстом. Так, церемониальные и церемониально-развлекательные балы предполагали исключительно традиционный формат, а развлекательные допускали, помимо традиционного, и маскарадный формат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Носов, К.С. Рыцарские турниры / К.С. Носов. – СПб.: Полигон, 2004. – 141 с.
2. Худеков, С.Н. Всеобщая история танца / С.Н. Худеков. – М.: Эксмо, 2010. – 608 с.
3. Шишкин, В.В. Церемониал двора королевы Франции в эпоху Возрождения / В.В. Шишкин // Исторический научный журнал: научные исследования. – 2017. – Вып. 2. – С. 40–55.
4. Хейзинга, Й. Осень Средневековья / Й. Хейзинга; [пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича]. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 720 с.
5. Giesey, Ralph E. Cèrèmonial et puissance souverain. France, XVe – XVIIe siècles / Ralph E. Giesey. – Paris: A. Colin, 1987. – 170 p.
6. Nguyen, Marie-Lan. Les grands maîtres des cérémonies et le service des Cérémonies à l'époque modern 1585–1792 / Marie-Lan Nguyen. – Université de Paris-IV Sorbonne. – Mémoire de maîtrise sous la direction de M. le Professeur Lucien Bély, 1998–1999. – P. 181.
7. Poux, Le N. La faveur du roi. Mignons et courtisans au temps des derniers Valois (vers 1547 – vers 1589) / Le N. Poux. – Paris: Champ Vallon, 2000. – 805 p.
8. Кармона, М. Мария Медичи (серия «След в истории») / М. Кармона. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 444 с.
9. Блюш, Ф. Людовик XIV / Ф. Блюш; пер. с франц. Л.Д. Тарасенковой и О.Д. Тарасенкова / Ф. Блюш. – М.: Ладомир, 1998. – 815 с.
10. Козандей, Ф. Церемониальная политика во Франции XVI–XVII вв. / Ф. Козандей; пер. с фр. Ю. Минеевой // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2015. – № 4(37). – С. 239–251.
11. Fassardi, François. Le grand bal de la reine Marguerite, fait devant le Roy, la Reine, et Madame, le dimanche 26 Aoust, en faueur de M. le Duc de Pastrana [Ressource électronique] / François Fassardi. – Paris: J. Nigaut, 1612. – 13 p. – Mode d'accès: <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb30419556f>. – Date d'accès: 13.06.2021.

Поступила в редакцию 10.03.2022